

© 1994 г. М.В. НЕФЕДЬЕВ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК НА- И ОБ- В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVIII вв.

1. Изучение истории славянских (и, в частности, русских) глагольных приставок имеет длительную традицию (см., например, [1–5]). Очевидность существования общих закономерностей в истории русских приставочных глаголов требует проведения тщательных сопоставительных исследований эволюции отдельных глагольных приставок. В этом отношении представляется интересным параллельный анализ глаголов с префиксами *на-* и *об-*. Среди указанных образований четко выделяются три группы глаголов: с явно выраженным локальным значением приставок, с результиративным значением и с вторичными конкретными значениями приставок. Это свидетельствует о наличии в истории названных префиксов общих закономерностей, которые, по-видимому, имели место в семантической эволюции и других приставок. Целью настоящей статьи является описание общих для глагольных префиксов процессов на примере приставок *на-* и *об-*.

В научной литературе неоднократно предпринималось диахроническое описание русских и других славянских глаголов с указанными формантами [6–11]. Однако в этих исследованиях описание глаголов с приставками *на-* и *об-* осуществляется, как правило, изолированно и без учета развития семантики других глагольных префиксов [7–11].

2. Для анализа нами были привлечены в полном объеме глаголы с приставками *на-* и *об-*, представленные в Картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (далее – КСДР), Словаре русского языка XI–XVII вв. (далее – СРЯ XI–XVII), Картотеке Словаря русского языка XVIII в. (далее – КС XVIII). В сопоставительных целях были использованы словарь И.И. Срезневского [12]; опубликованные тома "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" (далее – СДР XI–XIV) [13]; СРЯ XI–XVII [14]; (Указатель источников СРЯ XI–XVII вв. см. [15]); "Словарь русского языка XVIII вв." (далее – СРЯ XVIII) [16]; (Указатель источников СРЯ XVIII в. см. [17]); диалектный материал [18]; "Словарь русского языка" в 4-х т. (далее – МАС) [19].

Неоднородность языкового материала, представленного в исторических словарях [13, 14, 16], не препятствует установлению хронологии (во всяком случае относительной) основных этапов семантической эволюции приставок. Эти процессы, в большой степени относящиеся к сфере грамматики или точнее аспектологии, происходили в течение длительного периода (например, становление собственно категории глагольного вида [20]). Это позволяет говорить о том, что основные моменты семантической эволюции приставок отражаются во всех текстах, имеющих разную жанрово-стилистическую принадлежность.

3. Анализ образований с приставками *на-* и *об-* осуществляется по типам мотивирующих основ. Такой подход обусловлен тем, что в истории славянских глаголов префиксальное словообразование тесно связано с возникновением приставочных способов действия, генезис которых во многом определялся семантикой мотивирующих основ. Наиболее удачной представляется типология основ, данная Ю.С. Масловым [1, с. 30–31], так как в ней соблюдается "золотая середина", которой является классификация не по чисто семантическому, а по акциональному признаку, т.е. по отношению к

признаку предельности, что способствует правильному пониманию эволюции приставочных способов действия.

Ю.С. Маслов выделяет три большие группы глаголов: предельные, главное ядро которых составляют глаголы результативного способа действия; исключительно неопредельные, куда относятся только стательные основы (в том числе и глаголы со значением положения в пространстве *лежати, сѣдѣти, стояти*) [1, с. 18–19]; и нейтральные в отношении предельности/неопредельности, главное ядро которых составляют эволютивные основы [1, с. 23]. Данную типологию дополняет суждение А.В. Бондарко о том, что эволютивный способ действия занимает как бы промежуточное положение между стательным и результативным [21, с. 28]. Кроме эволютивных, к нейтральным в отношении предельности/неопредельности относятся мутативные основы (глаголы "перехода в состояние") [1, с. 20]. При такой типологии отдельно не выделяются каузативы. Одни из них относятся к мутативным основам (*класти, сажати, ложити*), так как они тоже обозначают процесс "перехода в состояние"; другие – к эволютивным основам (*квасити, богатити, множити*).

4. Подробный анализ образований с приставками *на-* и *об-* позволяет предположить наличие четырех ступеней семантической эволюции глагольных префиксов:

- 1) выражение только пространственных отношений;
- 2) развитие функции выражения значения предельности и совмещение ее с функцией выражения пространственных отношений (появление локальной предельности);
- 3) оформление результативного значения вследствие элиминации пространственных отношений (появление результативной предельности);
- 4) развитие вторичных конкретных значений.

Определенным ступеням семантической эволюции, обозначенным с точки зрения относительной хронологии, соответствует оформление словообразовательных типов глаголов с приставками.

4.1. На первой ступени, присоединяясь к мотивирующей основе, приставки вносили только лексическое значение, локально уточняя действие глагола. При этом приставочное образование было эквивалентно беспрефиксному глаголу в сочетании с локальным уточнителем (предлогом или наречием), а сама приставка сохраняла след самостоятельного слова. Такое соотношение в структуре производного слова отражают образования от глаголов состояния с локальными приставками. Ср. *належати* = *лежати* на чем-л.; *насѣдѣти* = *сѣдѣти* на чем-л.; *обстояти* = *стояти* вокруг (чего-л.); *облежати* = *лежати* вокруг (чего-л.).

Первичное пространственное значение глагольных приставок могло реализоваться в двух вариантах (соответственно, формирующих два словообразовательных типа); 1) значение движения в определенном направлении (для *на-* это значение "направить действие, названное мотивирующим глаголом, на поверхность чего-л.", для *об-* – "направить действие, названное мотивирующим глаголом, вокруг чего-л., во все стороны"), представленное у образований от всех основ, кроме стательных; и 2) значение нахождения в пространстве, представленное у образований только от стательных основ (для *на-* – "на поверхности чего-л.", для *об-* – "вокруг чего-л.").

Самую многочисленную группу глаголов с локальными приставками составляют производные от эволютивных основ, которые можно разделить в свою очередь на две подгруппы: образования, где конкретное локальное значение несет только приставка, и глаголы, в которых конкретное локальное значение приставки частично соответствует лексическому значению мотивирующего глагола.

Образования от стательных основ являются, по-видимому, наиболее древними, так как их возникновение было возможно лишь при условии отсутствия в языке противоречия между семантикой стательности и локально-предельным значением приставки. Данное противоречие скорее всего уже имело место в эпоху XI–XIV вв.

4.2.1. На второй ступени семантической эволюции происходит развитие функции выражения значения предельности и совмещение его с семантикой пространственных

отношений. Наличие данной ступени и оформление общего значения предельности до появления приставочных способов действия (в том числе и результативного) подтверждается судьбой производных от глаголов состояния с локальным значением приставки, у которых возникает несоответствие между значениями мотивирующей основы и префикса. Семантика стательности вступила в противоречие не просто с семантикой пространственных отношений (иначе в языке никогда бы не было производных от стательных основ с локальным значением приставок) и не просто с семантикой предельности (так как в языке имеются производные от глаголов состояния в рамках результативного и других приставочных способов действия). Причина возникновения данного противоречия заключается в совмещении функций выражения пространственных отношений и предельности.

Само возникшее противоречие заключается в следующем. Локальная приставка, совмещающая с пространственной семантикой значение предельности, могла присоединяться только к глаголам, выражающим действие, которое может быть куда-нибудь направлено и, после того как оно завершилось, достигнуть своего предела. Ничего подобного не могло произойти у образований от стательных основ. Глагольные приставки первоначально выражали только лексическое значение. С развитием функции выражения значения предельности такие образования, как *належати*, *обстояти* (которые продолжают передавать значение состояния, но только с локальным уточнителем), должны были бы, как и остальные глаголы, указывать на предел. А это невозможно: семантика состояния не предполагает никаких изменений в пространстве, так как глаголы состояния – это семантическая группа неопредельных глаголов. Возникновение описанного противоречия явилось причиной того, что словообразовательные типы глаголов состояния с локально-предельным значением приставок *на-* и *об-* утрачивают свою продуктивность, а имеющиеся уже образования должны были или уйти из употребления или изменить свою семантику, чтобы устранить имеющееся противоречие.

По данным КСДР первоначальное значение, синонимичное семантике сочетания стательного глагола с локальным уточнителем, отмечено лишь у части производных от глаголов состояния: алкиность яйца своя въ глубину кладець, сама верху воды *на-сѣдѣть* (МПр XIV, 32)¹; и измѣняеть(с) *належащая* индития на стѣи трапезѣ и полагает(с) постыная (УСт XII/XIII, 8 об); его же видовъ образъ Исаия на престолѣ превысоцѣ, *обстоима*² множеством англь. (КТур XII сп. XIV, 23); етери же видѣ в ноци ходящѣ на колесници лвовѣ яздящѣ, и змяими *облежащю* (ГБ XIV, 166); въ гѣ и же днь всѣм *объсѣдѣемъ* и въ оружьи сѣ и же ча(с) абие не видимъ быс (Никон) (ПКП 1406, 111г). Почти у всех приведенных образований материалы КСДР отражают развитие семантической структуры. Лишь у глагола *насѣдѣти* зафиксировано одно отмеченное выше значение в единичном употреблении, что, по-видимому, свидетельствует о невозможности преодоления данным образованием имеющегося противоречия и о намечившейся тенденции его ухода из употребления.

Остальные производные от глаголов состояния к XI в., по-видимому, уже утратили значения, синонимичные семантике сочетания стательного глагола с локальными уточнителями. Но их переносные значения³ продолжают еще ассоциироваться с семантикой пространственных отношений. Ср.: нѣ искупи ны отъ *настоящего* зла (СкБГ XII, 17г); печаль и скорбь дѣшу мою *объдѣржааше* (ЖФП XII, 67в); уста же

¹ Сокращенные обозначения источников приводятся по следующим изданиям: для древнерусского периода [13, Т. 1, с. 28–68], для старорусского периода [15], для эпохи XVIII в. [17].

² Вслед за А. Мейе в данной работе *объ* наряду с *объ* расценивается как вариант приставки *об-*, а *оби* как усиленная форма *объ* [22, с. 124].

³ При определении принадлежности какого-либо образования к тому или иному словообразовательному типу нужно учитывать тот факт, что слово не всегда может иметь прямое значение, четко указывающее на смысловые отношения между мотивирующим и мотивированным. Как отмечает О.П. Ермакова, «производное “может себе позволить” не имеет прямого значения, либо не реализуя, либо утратив его» [23]

пѣнию дающемъ и давидова поющимъ словеса. яко же и хвалу таковыхъ по всему елико *обсияетъ* *снѣце* (ЖФСт XII, 101).

Древнерусский материал фиксирует лишь единичные образования от статальных основ с локальным значением приставок. Можно предположить, что в дописьменный период подобных образований было гораздо больше, но к началу письменной эпохи древнерусского языка они уже утратились, а отмеченные глаголы представляют лишь остатки моделей глаголов, производных от статальных основ.

4.2.2. Материалы СРЯ XI–XVII и КС XVIII показывают, что к XVIII в. устраняется описанное противоречие, а модели глаголов, производных от статальных основ, с локальным значением приставок *на-* и *об-* прекращают свое существование. Одни глаголы уходят из употребления (*наѣдѣти*, *облежати*, *обсияти*, *обсѣдѣти*); у других образований развиваются значения, которые не ассоциируются с семантикой пространственных отношений: *належати* – "надлежать, долженствовать"; *настояти* – "требовать"; *обдержати* – "употребляя, используя (обычно что-л. новое), сделать более удобным, пригодным"; *обстояти* – "быть устроенным". Ср.: *Обдержать* кадку, бочку. (САР¹ II, 619); Конструкция сей машины къ лѣвой сторонѣ *обстоитъ* слѣдующимъ образомъ (ТМ 1755 г., 24).

4.3.1. На третьей ступени семантической эволюции происходит оформление значения результативности, которое развивалось у разных глагольных приставок, по-видимому, одинаково и одновременно. Базой этого процесса были нейтральные в отношении предельности/непредельности глаголы и в первую очередь эволютивные основы, так как они обозначали активное целенаправленное действие, стремящееся к достижению результата. При благоприятных условиях у них начинает преобладать значение результативности. Таким "благоприятным условием" является соответствие значения приставки и мотивирующей основы. По этому поводу П.С. Сигалов замечает: "Совпадение значения глагола и локального характера приставки растворяет ее семантику, в результате чего ее значение расценивается только как результативное или видовое" [24].

Среди глаголов с конкретным локальным значением приставок *на-* и *об-* именно образования от эволютивных основ представляют значительную группу производных, у которых конкретное локальное значение передается как приставкой, так и мотивирующим глаголом. Ср.: одръ бо не в котормъ вертоградѣ *настѣлаше* и ста(г) на немъ привязавше (ГА XIII–XIV, 2016); и телеса стрѣкаху иглами. и сажено *натираху* (КВ к. XIV, 205а); (крест) нѣ в коемъ мѣстѣ *обивъше* съкрывають (КР 1284, 272а); блаженаго же бориса *объртѣвъше* въ шатъръ... повезоша (СкБГ XII, 12г) и др. Приведенные глаголы отражают первую стадию оформления семантики результативности.

На следующем этапе семантика мотивирующего глагола нейтрализует соответствующую семантику приставки, в результате чего появляется результативная предельность. Ср.: масло же грѣшнице да не *намаститъ* главы моя (ПНЧ XIV, 98 обб); аще о нихъ же съвѣдати. о сихъ и азъ поминая *напишу* нужда те ради (КЕ XII, 216а); якоже лежаше явися ему бѣа ничѣго же рекъше. тѣмъ льрстомъ своимъ *начръте* обѣ руцѣ. и обѣ тако же нозѣ его (ПС XI, 33); ве(ч)ръ ноць хоцетъ быти да блгъ да полъ листа како нѣ *намазано* (Парем 1248, 51); и минувъшемъ лѣтомъ *к-* и *цркви* уже *обетъшавъши* ("обветшали"). и умысли изяславъ възградити *црквь* нову (СкБГ XII, 206); текши Наталия в темницу. *облобыза* мужня узы (Пр 1382, 152) и др. Во всех приведенных примерах приставки *на-* и *об-*, являясь результативными, как бы "оставляют след" от прежнего утраченного локального значения, а сам мотивирующий глагол несет в себе его элемент.

В процессе оформления результативного значения могли также участвовать и другие семантические группы глаголов, нейтральные в отношении предельности/непредельности. Среди производных от мутативных основ первую стадию этого

процесса отражают следующие образования: *накласти* – "положить сверху, поверх чего-л., нагрузить, погрузить на что-л."; *налечи* – "надавить, налечь"; *наложити* – "положить сверху, поверх чего-л."; *обръжавѣти* (производное от ржавѣти – "покрываться ржавчиной" [12, т. III, с. 203]) и др. Второй этап оформления результативного значения отражают образования *насадити* – "посадить (о растениях)" и *обрѣдѣтися* – "покраснеть, зардеться от стыда": насытятся дръва польская и недри ливаньстии еже еси *насадилъ* имъ (СБЯР XIII, 137); азъ же *обрѣдѣвъся* о словеси рѣхъ имъ (ПНЧ 1296, 29об).

После того, как значение результативности оформилось, происходит процесс расширения круга мотивирующих основ: приставка присоединяется к различным основам, внося только результативное значение. С этого момента можно говорить о наличии результативного способа действия. Поначалу в этом процессе участвуют только эволютивные основы, о чем свидетельствует исследуемый материал (по данным КСДР 33 образования с приставкой *на-* и 25 с приставкой *об-*). Постепенно в этот процесс втягиваются и другие семантические группы. КСДР отражает наличие производных от стальных основ: *назърѣти* – "заметить, увидеть" (от *зърѣти* в знач. "видеть" [13, т. III, с. 433]) и *обвѣдовѣти*. Ср.: аще на безакония *назриши* ꙗко кто постоитъ яко от тебе оцѣнение есть (СБЯР XIII, 142); его же *мѣти обвѣдове* отроковицею (Пр XIV, 85в). Материалы КСДР фиксируют также производные от мутативных основ *намокнути* и *обнищати*.

Описанный процесс оформления результативного значения происходил задолго до письменного периода, а анализируемый материал лишь отражает его следы. Ю.С. Маслов отмечает, что первым из приставочных способов возникает и наибольшую роль в дальнейшем играет результативный способ действия. Их возникновение Ю.С. Маслов относит к "более позднему периоду праславянского языка" [1, с. 28].

4.3.2. Так как результативность указывала только на характер протекания действия и была значением более грамматическим, чем лексическим, именно глаголы результативного способа действия составили базу становления категории вида. С оформлением значения процессуальности и развитием средств имперфективации значение результативности начинает осознаваться носителем языка как значение совершенного вида⁴. Из 40 фиксируемых в КСДР видовых корреляций, образованных путем имперфективации глаголов с приставками *на-* и *об-*, более 30 отмечено в кругу результативных глаголов⁵. Это, по-видимому, подтверждает точку зрения о том, что первые видовые корреляции, включающие приставочный глагол и производный от него имперфектив, оформлялись в кругу результативных образований [25, с. 158]. Как свидетельствует языковой материал, в качестве первых средств имперфективации для выражения процессуального значения выступали суффиксы неопределенно-многократных глаголов. Суффикс *-ива-/-ыва-* только начинает вступать в свои права в древнерусский период и сосуществует с более древними средствами имперфективации. При этом видовые корреляции были, как правило, многочленными (т.е. бинарными в плане содержания и многочленными в плане выражения), где одному исходному глаголу соответствует ряд имперфективных вариантов с разными суффиксами [25, с. 276–278]: *написати* (*напишу*) – *написати* (*написаю*), *написовати*, *написывати*

По материалам СРЯ XI–XVII выявлено свыше 150 глаголов с результативными приставками *на-* и *об-*, которые не фиксирует КСДР. Почти ни у одного из данных образований не отмечено наличие производных от них вторичных имперфективов. Этот факт говорит, вероятно, о том, что к XV в. за глагольными приставками

⁴ Становление и развитие механизма суффиксальной имперфективации на материале русского языка детально рассматривает в своих работах В.В. Силина [25, 26].

⁵ Подробнее о суффиксальных и префиксальных видовых корреляциях глаголов с приставками *на-* и *об-* см. [27, с. 46–50, 68–70, 132–136, 159–163].

натѣкати – "наполнить, набить") тѣрнѣя. на томѣ почиваніе бѣжєныи (СбТр XII/XIII, 40об) и др. (см. [27, с. 37–40]).

Характер древнерусского языкового материала не позволяет согласиться с выводами Э.М. Архангельской, которая расценивает появление количественной семантики приставки *на-* как следствие развития переносных значений у локальных дериватов [11, с. 13] и видит причину семантической эволюции приставки *на-* только во влиянии окружающего контекста [11, с. 14], принятое называть "семантическим заражением" [29, 30]. По мнению Э.М. Архангельской, в XI–XIV вв. глаголов с накопительной семантикой было мало: *наволочити*, *набити*, *накласти*, *наносити*, *напустити* и *наскакати* [10, с. 119]. Все они могут выражать также локальную семантику [10, с. 98–99]. При этом отождествляются образования *наволочити* и *наволочи* (с чем никак нельзя согласиться). Далее отмечается, что глаголы, несущие только кумулятивную семантику, появляются лишь к XV–XVI вв., гораздо позднее глаголов, совмещающих локальное значение с количественным; и делается вывод о том, что глаголы с накопительным значением приставки *на-* ведут свое начало от локальных [11, с. 12]. В данной трактовке не учитываются фиксируемые в КСДР 16 моносемантических образований с накопительным значением приставки *на-* (кроме глагола *наволочити*, который Э.М. Архангельская не отличает от образования с локальной приставкой *наволочи* – "натянуть").

Причиной возникновения рассмотренной гипотезы является, по-видимому, "гипноз" теории "семантического заражения" и игнорирование Э.М. Архангельской огромной роли мотивирующих основ в семантической эволюции приставок. По этому поводу уместным кажется замечание П.С. Сигалова о том, что главный источник появления новых значений приставки – ее взаимодействие с глаголом и переносное употребление приставочного образования, а "семантическое заражение" и калькирование иноязычных приставок – это более редкие факторы выработки новой семантики глагольных префиксов [2, с. 249]. И все-таки становление вторичных конкретных значений (в том числе и накопительного) отчасти напоминает "семантическое заражение". Только здесь оно происходит не на уровне лексического контекста, а на уровне контекста морфем: результативная приставка наполняется новым содержанием из мотивирующей основы.

В процессе расширения круга мотивирующих основ приставка *на-* в накопительном значении могла присоединяться к таким глаголам, от которых в языке уже имелись образования с данным префиксом, но с другим значением: "направить действие на поверхность чего-н." Следствием этого стало наличие таких парных образований, которые, по-видимому, нельзя рассматривать как факт полисемии, но нужно расценивать как слова-омонимы, так как эти пары образованы с помощью омонимичных приставок. На необходимость выделения подобных омонимичных образований в толковых словарях настоятельно указывает А.Н. Тихонов [31].

Глаголы с накопительным значением приставки *на-* имеются и в других славянских языках (например, словенском). Но из этого никоим образом не следует вывод о развитии данной семантики в праславянский период. В праславянский период, возможно, появилась лишь тенденция ее оформления. Языковые факты говорят о длительном и сравнительно позднем становлении данного значения. Во-первых, накопительная семантика могла оформиться лишь на базе результативного значения. Во-вторых, "пик" продуктивности данной модели приходится на старорусский период (материалы СРЯ XI–XVII фиксируют около 90 глаголов с накопительным значением приставки *на-*, которые не отмечены в КСДР). В-третьих, эти образования в текстах XI–XIV вв. обладают одной грамматической особенностью: все они, как правило, являются производными от переходных глаголов. Свободное производство образований с накопительным значением приставки *на-* от непереходных глаголов начинается лишь в старорусский период. С этим процессом связано становление еще одного вторичного конкретного значения приставки *на-* – интенсивного.

4.4.2. Так как дериваты, относящиеся к накопительному способу действия, выражали процесс, который был направлен на какой-либо объект, то они являлись, как правило, образованиями от переходных глаголов. Иначе, по-видимому, обстояло дело при словопроизводстве от непереходных глаголов. Если процесс накопления не был направлен на какой-либо объект, то приставка сама по себе принимала значение интенсификации (усиления, активизации действия, оно как бы "накапливается"). При этом на значение образования влияет степень этого "накопления". Когда действие глагола "накоплено" в значительной степени (часто – чрезмерно), образования с приставкой *на-* выражают значение "интенсивно совершить действие, названное мотивирующим глаголом". Ср.: *видѣхъ нѣкия... презла дѣла творяще... нагрѣшившая худѣ* (МПр XIV, 50–50об); *ризы же не славны любѣ. нарастуца сиречь многими пошивая заплатами* (КН 1280, 60ба) и др. (по данным КСДР всего семь глаголов). Если действие глагола "накоплено" в незначительной степени, то образования с приставкой *на-* имеют значение "слабо, слегка, бегло совершить действие, названное мотивирующим глаголом". Ср.: *и пятый днь осине нога его и придоша врачеве посѣтитъ его. и видѣвше намануша другъ другу яко подобаетъ нога его отсѣсти* (Пр 1384, 54).

Если на начальной стадии оформления производные с интенсивным значением приставки *на-* были возможны только от непереходных глаголов, то в старорусский период происходит расширение круга мотивирующих основ (как и у глаголов накопительного способа действия), следствием чего стало возможным производство по данной модели от переходных глаголов. Ср.: *нажарити* – "натопить жарко"; *надѣлати* – "сделать что-л. предосудительное"; *натворить* и др. Это, по-видимому, вызвало некоторое ослабление семантики интенсивности, что в свою очередь помогло оформлению (под влиянием основ со значением нежелательности действия) основной черты данной модели – экспрессивной маркированности, которая отодвигает семантику "накопления" действия на второй план. Ср.: *наблясти* – "наклеветать"; *навоняти, наврати; надосадити* и пр. Зачастую наличие или отсутствие экспрессивного значения нежелательности действия становится критерием при определении принадлежности образования к накопительному или интенсивному способу действия, а иногда такое разграничение провести очень трудно. Ср.: *наворовати, награвити, наплести* – "наговорить, наболтать".

С выступлением на первое место семантики нежелательности действия противопоставление по степени "накопления" отступает на второй план и перестает быть актуальным, вследствие чего происходит ослабление функционирования модели со значением "слабо, слегка совершить действие, названное мотивирующим глаголом".

4.4.3. В эпоху XVIII в. начинает развиваться еще одно вторичное конкретное значение приставки *на-*. Уже в древнерусский период в языке имелись образования с результитивной приставкой *на-* и мотивирующей основой, вносящей в дериват семантику "обучать" (*навыкнути, научити*): *аще нѣкоего мирьскаго члвка... изберуть... стымъ правиломъ и црквнѣи службѣ навикъ. да поставлен будетъ* (КР 1284, 228); *научи члвка разуму* (КЕ XII, 159). Материалы КС XVIII фиксируют новые образования, которые помогают оформиться значению "приучить(ся) к чему-л., обучить(ся) чему-н.": *нашколить* – научить кого быть проворнымъ, расторопнымъ (САР^I VI, 894); *десятилѣтнаго мальчика сына своего; этой же поваренной, да приспѣшной школѣ, такъ намуштровали, что бѣдной робенокъ, всѣ рагу, фрикасе, и паштеты по пальцамъ зналъ.* (Светск шк. 1763, II, 260); *Приобучаю кого или что къ чему* *Наторить* лошадь къ ѣздѣ. *Наторить* слугу (САР^I VI, 212). Постепенно результитивная приставка *на-* наполняется семантикой обучения и может вносить это значение самостоятельно. Ср.: *Наученный, приученный къ бѣгу частою ѣздою. Наѣзжаная лошадь* (САР^I VI, 982).

4.4.4. Становление вторичных конкретных значений приставки *об-* происходило также в кругу глаголов результативного способа действия, производных от эволютивных основ.

Присоединяясь к глаголам с общей семантикой "отделять что-либо от чего-л.", приставка *об-* приобретает значение "отделять". Ср.: и *обруби* ему руцѣ и нозѣ (ГА XIII–XIV, 72); по отгнаньи ею от себе въ прелюбодѣиствующих казнѣ влагати в ня. рекше того ту *обрѣзати* (носы) (МПр XIV, 194). Присоединяясь к глаголам с семантикой "делая что-н., копить", приставка *об-* наполняется значением "копить". Ср.: *обловитися* – "наловить кого-л."; Стославъ. сватомъ своимъ с Рюрикомъ... идоста на ловы... на устья Тесмени. и ту ловы дѣявша. и *обловишася* множествомъ звѣрѣи. (ЛН ок. 1425, 231об).

Развитие моделей глаголов с названными вторичными конкретными значениями приставки *об-* (отделительным и накопительным) было остановлено, по-видимому, наличием в языке словообразовательных типов глаголов с приставками *от-* и *на-* с аналогичными значениями. Однако в современном русском языке имеются реликты с означенными вторичными конкретными значениями приставки *об-*. МАС отражает наличие описанных значений в семантической структуре глаголов *обрезать* и *обрубить*: ОБРЕЗАТЬ 1... // Отделить, срезав. О б р е з а т ь н и т к у. [19, т. II, с. 563]; ОБРУБИТЬ 1. Отрубив часть, конец чего-л., укоротить. О б р у б и т ь ж е р д ь. [19, т. II, с. 565]. Н.С. Авилова среди глаголов накопительного способа действия отмечает образования с приставкой *об-*: *обшить*, *обстирать*, *оббегать* [32, с. 307]. Однако у данных глаголов основной является дистрибутивная семантика "направить действие на много объектов".

4.4.5. Материалы КСДР отражают начальную стадию оформления модели глаголов с вторичным конкретным значением приставки *об-* со знач. "причинить ущерб кому-н. (иногда обмануть) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом". Первоначально приставка *об-*, по-видимому, выражала достижение результата действия у производных от глаголов с семантикой "причинять ущерб, обманывать": *облиховати* – "лишить кого-л. чего-л." (от *лиховати* – "лишать, отнимать" [14, вып. 8, с. 247]); *облишити*, *облъгати* – "ложно обвинить, оклеветать" (от *лъгати* – "лгать, вводить в заблуждение, обманывать" [14, вып. 8, с. 182]); *облъстити* – "завлечь обманом, лестью, хитростью" (от *лъстити* – "обманывать, обольщать; лгать" [14, вып. 8, с. 323]). Ср.: что бо сего окоянѣе. еже въ вѣкы вѣкомъ *облиховану* быти (СбТр XIII, 180); и *облишену* ему (Адаму) быти раиския пища (Пал 1406, 40г); на утрия привелъ пѣрфурия яко губителя *облъгавъ* усекну (ПрЛ XIII, 67а); и позва (Ярослав) к собѣ нарочитыѣ мужи. иже бяху иссекли Варягы. (и) *облъстити* и исѣче (ЛН 1377, 48). Постепенно происходит процесс, обратный десемантизации: приставка *об-* наполняется значением "причинять ущерб, обманывать". Ср.: *обѣсити*: на крѣстѣ яко злодѣя *обѣсите* (Пал 1406, 141г).

В начале старорусского периода группа результативных глаголов, у которых мотивирующие основы объединяются общей семантикой "причинять ущерб, обманывать", пополняется новым образованием: *обманити* и *оманити* (от *манити* – "обманывать" [14, вып. 9, с. 27]): И будетъ такъ князь Александръ насть *оманя* не на дружбу лицемъ ударилъ (Крым. д. 1, 264. 1489г). В лингвистической литературе отмечалось, что огласовке *обман* хронологически предшествует *оман*. С. Робертс говорит по этому поводу: «Изменение *оман* на *обман* соответствует тенденции более частого употребления *об-*, чем *о-* перед корнями, начинающимися с *м*» [8, с. 224]. На наличие в языке глагола *обманити* указывает производное от него существительное *обманка* (ср. *приманка*) – "обман, ложное или хитрое действие, уловка": А отманский государь всему тому не потачилъ, знаетъ его собачью *обманку*, а захочетъ государь съ тобою дружбы. (Крым. д. II, 706, 1521 г). С. Робертс возводит такие образования,

как *обманка* и *обманенные* к *обманути* и, следовательно, отождествляет образования *обманити* и *обманути* [8, с. 223]. Однако с этим нельзя согласиться. Если производное *обманити*, принимая во внимание смысловые отношения между мотивированным и мотивирующим, является результативным глаголом, то образование *обманути* свидетельствует, скорее всего, о расширении круга мотивирующих основ, где значение "обманывать" вносится в дериват не мотивирующим глаголом, а словообразующим формантом. Ср.: *обманути* и *оманути* (от *манути* – "делать знак рукой или головой" [14, вып. 9, с. 28]) – "вести в заблуждение каким-л. способом, обмануть": И яко не имут же *оманути* его лжами... (Каз. ист., 133. XVI в.).

Языковой материал отражает взаимодействие в старорусский период семантики "обманывать, приносить ущерб" с общим для производных от глаголов движения значением "направить движение мимо": *обвести* – "провести мимо, не показать, утаить"; *обводити* – "проводить мимо, не показывать утаивать"; *объѣхати* – "пропустить при переписи". Вероятно, подобные образования сыграли немаловажную роль в оформлении рассматриваемой модели глаголов: благодаря высокой регулярности употребления глаголов движения и производных от них, в сознании носителя языка за приставкой *об-* окончательно закрепляется значение "обманывать, приносить ущерб". Однако из этого не должен следовать вывод о восхождении семантики "обманывать, приносить ущерб" к общему для производных от глаголов движения значению "направить движение мимо объекта". Значение "обманывать, приносить ущерб" складывалось, как показывает исследуемый материал, в кругу производных от эволютивных основ в рамках результативного способа действия. Начало оформления данной семантики относится, по-видимому, к дописьменному периоду (ср. приведенный выше глагол *объсѣти* – "повесить кого-л." и, например, имеющееся в словенском языке образование *obesiti* – "повесить"). Лишь к середине старорусского периода происходит наложение данной семантики на одно из пространственных значений производных от глаголов движения. К XVII в. описываемое вторичное конкретное значение приставки *об-* окончательно оформляется, о чем говорят фиксируемые в СРЯ XI–XVII образования: *объсѣти* – "обмануть в весе"; *обобрати* и др.

Таким образом, анализ процессов четвертой ступени семантической эволюции показывает, что под вторичными конкретными следует понимать такие значения приставок, которые не соотносятся и в историческом плане и в к о г д а не соотносились с первичными локальными, а по своему происхождению восходят непосредственно (например, накопительное) или опосредованно (интенсивное) к семантике результативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.
2. Сигалов П.С. Вопросы теории русского исторического словообразования: Дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1977.
3. Баженова С.И. Система способов глагольного действия в древнерусском языке XI–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
4. Кузнецова И.В. Из истории генетически безъеровых предлогов-приставок на -з в русском языке (Формирование предложноприставочного параллелизма): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1974.
5. Słofski S. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). Warszawa, 1937.
6. Koblischki Z. Das slavische Verbalprefix *ob-*. Berlin, 1957.
7. Krupianka A. Formacje czasownikowe z przedrostkiem *o-(ob-)* w języku polskim // Prace wydziału filologiczno-filozoficznego. T. 20- z 2. Toruń, 1969.
8. Roberts C.B. The origins and development of O(B) – prefixed verbs in russian with the general meaning "deceive" RLang. 1981. № 5.
9. Алексеева А.П. Из истории приставочного глагольного словопроизводства (На примере образований с *об-* и *о-*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.

10. *Архангельская Э.М.* Семантическая эволюция предлогов и приставок в истории русского языка XI–XVII вв. (На примере приставки и предлога *на-*): Дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1983.
11. *Архангельская Э.М.* Семантическая эволюция предлогов и приставок в истории русского языка XI–XVII вв. (На примере приставки и предлога *на-*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
12. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1958.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV. М., 1988–1991.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–17. М., 1975–1991.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников. М., 1975.
16. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–6. Л., 1984–1991.
17. Словарь русского языка XVIII в. Указатель источников. Л., 1984.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Л., 1983; Вып. 20. Л., 1985.
19. Словарь русского языка Т. I–IV. М., 1985–1988.
20. *Бородич В.В.* К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1954. Т. IX.
21. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.
22. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
23. *Ермакова О.П.* Проблема лексической семантики производных и членимых слов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1984. С. 30.
24. *Сигалов П.С.* История русских ограничительных глаголов // Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. Тарту, 1975. С. 141.
25. *Силина В.Б.* История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
26. *Силина В.Б.* Развитие категории глагольного вида в русском языке XI–XVII вв. (формирование видовых корреляций): Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1985.
27. *Нефедьев М.В.* Глаголы с приставками *на-*, *об-(обо-)* в русском языке XI–XVIII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
28. *Тихонов А.Н.* Глаголы с чистовидовыми приставками в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. С. 7.
29. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 202, 206.
30. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 184.
31. *Тихонов А.Н.* Чистовидовая приставка *на-* в современном русском языке // Исследования по русскому языку. Тр. Самарканд. гос. ун-та. Самарканд, 1962. С. 150–151.
32. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.